

Борис Бицоти

Неизвестная Осетия

Европейские ученые и путешественники
об Осетии и осетинах

Борис Бицоти

**Неизвестная Осетия. Европейские
ученые и путешественники
об Осетии и осетинах**

«Издательские решения»

Бицоти Б.

Неизвестная Осетия. Европейские ученые и путешественники
об Осетии и осетинах / Б. Бицоти — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511965-0

Неизвестная Осетия — это хронология открытий и заблуждений, связанных с изучением генеалогии осетин. Правильное представление об этом предмете сложилось в научных кругах лишь к концу XIX в. Весь предыдущий период, осетин, по выражению известного правоведа Ковалевского, причисляли «то к немцам, то к евреям». Как эволюционировали взгляды ученых на проблему этногенеза осетин и как сегодня выглядит теория их происхождения? Получить ответы на эти и другие вопросы можно будет, прочитав эту книгу.

ISBN 978-5-00-511965-0

© Бицоти Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Границы и статус Осетии в записках	10
Ян Потоцкий и разгадка аланского ребуса	24
Изъяны и недостатки теории мидийского происхождения осетин академика Клапрота	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Неизвестная Осетия Европейские ученые и путешественники об Осетии и осетинах

Борис Бицоти

© Борис Бицоти, 2024

ISBN 978-5-0051-1965-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как рассказать об Осетии, о которой никто еще не рассказывал? Это можно сделать либо представив новые источники, либо предложив новую интерпретацию старых. Именно эти два принципа я и поставил во главу угла, собирая воедино предлагаемый читателю материал.

В среде историков-осетиноведов иногда приходится слышать мнение, что возможности источников по истории Осетии давно исчерпаны, а все, что пишется, является по сути лишь вольным пересказом уже известных фактов. Это категоричное суждение, как минимум, не учитывает той большой разницы, которая существует между отдельными периодами в части наличия и доступности источников. Мы, как мне кажется, можем говорить о большом интересе и даже избытке литературы в разговоре о древней истории – исследования, систематизирующие свидетельства об аланах, либо комментирующие уже известный материал, не только уже существуют в обилии, но и продолжают регулярно появляться. Что касается истории Осетии XV – XVII в., то здесь, напротив, письменные источники практически отсутствуют – отсюда и негласное название этого периода – «темные века» или «неизвестное время». С периодом же XVIII – XIX в. – относительно хорошо известным и изобилующим свидетельствами отрезком времени, дело, на мой взгляд, обстоит немного иначе, чем принято думать, как в части изученности, так и в части интереса.

Проблема заключается в том, что в период написания известной нам истории Осетии часть свидетельств европейских авторов историкам была недоступна и полностью выпала из поля зрения ученых. Виной тому явился с одной стороны пресловутый языковой барьер и отсутствие переводов, с другой – барьер идеологический. Не все из написанного иностранцами об Осетии встраивалось в канву идеологически выверенного нарратива, ограниченного рамками господствующей методологии. Целый пласт важного материала, интересных фактов об Осетии, необъясненных явлений и уникальных свидетельств в результате оказался за выброшенным за борт, в то время как выпадение одного лишь свидетельства может коренным образом изменить наш взгляд на прошлое, стать причиной полностью неверного истолкования исторического факта, создать ложное представление о важном событии.

Так, например, о взглядах научного сообщества на происхождение осетин XVIII – XIX в. принято было судить в основном по свидетельствам ученых Яна Потоцкого и Юлиуса Клапрота. При этом, мнения их предшественников и последователей, в частности, таких авторов, как Якоб Рейнегтс и Фредерик Дюбуа часто не упоминались вовсе. Выпала из контекста разговора об осетинском языке и статья австрийского филолога-ираниста Фридриха Мюллера о месте осетинского языка в иранской языковой семье. А ведь именно эта статья положила начало правильному позиционированию осетинского среди других иранских языков. Эти труды крайне важны хотя бы потому, что их авторов сложно упрекнуть в предвзятости – полученные сведения не представляли для них никакого другого, кроме сугубо научного интереса.

Начиная со второй половины XVIII в., с наступлением перелома в политике России на Кавказе и переходом к более активным действиям в регионе в Осетию снаряжаются первые научные экспедиции российских академиков, собирается этнографический и статистический материал, изучается язык и фольклор осетин. Не все, что тогда установили или предположили ученые, оказалось истиной. Именно поэтому факты и свидетельства, зафиксированные в этот период, нуждаются в комментариях.

Разгадка тайны происхождения осетин далась ученым нелегко. Судьба некоторых исследователей сложилась драматически, и изучаемая ими проблема сыграла в этом не последнюю роль. Так, польский ученый Ян Потоцкий еще в достаточно молодом возрасте решил светить с жизнью, академик Юлиус Клапрот после командировки в Осетию рассорился с руководством Российской академии наук и бежал из России, а этнолог-осетиновед Вольдемар

Пфафф, представивший миру теорию семитского происхождения осетин, судя по всему, сошел с ума. В то же самое время, другие ученые, такие как А. М. Шёгрэн и Ф. Дюбуа, смогли благополучно ужиться с неправильными представлениями о предмете их исследования и даже получили за свои исследовательские труды высокие награды и почести.

Из принципиальных терминологических проблем, встающих на пути познания предмета нашего исследования, нужно, в первую очередь, назвать теорию древней индогерманской общности, в парадигме которой формулировали свои мысли исследователи Осетии-немцы. Осетины и их язык в этом контексте давали повод для обширных спекуляций на тему обоснования наличия такой общности в глубоком прошлом. О популярности в те годы данной теории нам говорит, к примеру, примечание Ю. Клапрота к трудам Я. Потоцкого. «В настоящее время, – пишет Клапрот, – общим названием для иафетических языков является термин индогерманские языки».¹ Первооткрыватели осетинского языка и культуры – немцы рассказывали о своих открытиях немецкоязычной публике в определенном контексте, формулируя свои высказывания как реплику в обсуждении популярной в то время научной теории.

Проблематичность формулировки Клапрота стала очевидна уже на ранних стадиях разработки проблемы. К моменту публикации статьи об осетинском языке австрийского лингвиста Фридриха Мюллера народ-предок большинства европейских этносов принято было называть уже индоевропейцами – эта формулировка встречается у А. М. Шёгрена и В. Б. Пфаффа в их исследованиях осетинского языка. По сути же, ученые фактически вернулись к определению Я. Потоцкого, называвшего группу народов, схожих между собой по языку, включая народы севера Индии, курдов, тальшей и осетин – «европейской». Нет никаких оснований считать индийский и германский элементы в этой общности преобладающими. Более того, факты языка говорят скорее о том, что отдельной, узкой индогерманской общности не существовало вовсе – термин, скорее всего, возник индуктивно, как результат выявления большой схожести между германскими языками и санскритом.

Важно также помнить, что авторы-европейцы, писавшие об Осетии были носителями христианской (протестантской) культуры – большая часть анализируемых трудов появилась до наступления эры дарвинизма в науке. Именно поэтому история происхождения языков и народов в их представлениях тесно связана с ветхозаветными легендами. Так, к примеру, начиная с исследования Потоцкого, интересующие нас авторы принимают деление народов и языков, согласно именам сыновей Ноя, на семитские – потомки Сима, хамитские – потомки Хама, иафетические – потомки Иафета. «От них, – говорится в десятой главе Книги Бытия, – населились острова народы в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих». Ученые, таким образом, классифицировали языки и народы, считая, согласно ветхозаветной легенде о Всемирном потопе, прародиной всех народов мира Ближний Восток. Вследствие подобного взгляда на происхождение народов, вплоть до появления труда Всеволода Миллера ученые, говоря о направлении переселения предков осетин, сходились во мнении, что оно происходило с юга на север – из стран Передней Азии и Ближнего востока на Кавказ. Это представление было впервые подвергнуто критике в известной диссертации В. Ф. Миллера. Со временем же ученым удалось установить, что Передняя Азия вообще не была исторической родиной ираноязычных народов.

Не является секретом и то, что европейские ученые и путешественники, впервые побывавшие на Кавказе, пытались как можно ярче подать добытые ими сведения, что выливалось порой в досадные недоразумения и откровенные курьезы. Увы, не все эти недоразумения устранены – многие иллюзии первых путешественников и первооткрывателей Осетии так и не были развеяны, равно как и намеренно сотворенные ими мифы. Особенность же научного

¹ Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase: Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin... Ouvrages publiés et accompagnés de notes et tables, Volume 1. p. 15

познания была такова, что автор, публикуя новый материал и допуская при этом ошибку, часто не давал себе труда написать опровержение, перекладывая, тем самым, эту почетную обязанность на плечи последующих поколений.

И тем не менее, анализируя материалы научной дискуссии ученых XIX в., мы видим, что многие основные вопросы, касающиеся истории и этногенеза осетин, были решены уже тогда. Важнейшей вехой в изучении вопроса является диссертация выдающегося русского фольклориста и этнографа В. Ф. Миллера. Именно Миллер в своих «Осетинских этюдах» искоренил множество заблуждений своих предшественников и дал правильные оценки трудам своих коллег – первых исследователей Осетии. Труд российского ученого – неподвластный времени эталон, с которым всякий раз приходится сверяться каждому, кто пишет об Осетии и ее прошлом. Таким же эталоном в XX в. стали статьи и монографии В. И. Абаева.

Но означает ли это, что все, что было до Миллера и Абаева, стоит предать забвению? Вряд ли такой подход будет продуктивен. Ведь именно «первыми европейцами» был решен ряд важнейших вопросов, касающихся истории происхождения осетин. Так, например, идентичность алан и осетин, которая на ранней стадии исследования Кавказа была неочевидной, вскоре была доказана сначала поляком Яном Потоцким, а затем и немцем Юлиусом Клапротом. Казалось бы, в этом вопросе раз и навсегда была поставлена точка, но нет – полемика вокруг аланского наследия спустя столетия разворачивается вновь и вновь, а аргументы авторов, однажды установивших эту идентичность, игнорируются и предаются забвению. В этом кроется еще одна причина несовершенства процесса познания – в потоке громких заявлений часто утопают ценные факты, полезные для восстановления истинной картины прошлого. Так, однажды опровергнутые теории, увы, не умирают, а вновь и вновь поднимают голову и с новой силой подчиняют себе умы обывателей и дилетантов.

Было бы неверным в этой связи думать, что сведения, добытые первооткрывателями Осетии, в свое время были лишь предметом споров в богемных салонах, а их труды пылились на полках специализированных библиотек. Особый интерес в этом смысле представляет вопрос о влиянии открытия ираноязычности осетин, сделанного Клапротом, на отношение к осетинам в ходе российско-персидских войн. Не будет преувеличением сказать, что именно Тегеран долгое время довольно умело разыгрывал эту карту в ходе упомянутого противостояния.

Для того, чтобы до конца понять и проследить логику и аргументы ученых, решавших ключевые проблемы, связанные с этногенезом осетин, оценить их влияние на судьбу описываемого учеными народа нужно вернуться в самое начало – в «домиллеровский» период и увидеть как эволюционировали взгляды научного сообщества на проблему этногенеза осетин. В свете возвращения дискуссии о вопросах, уже нашедших свое разрешение в XIX в. свидетельства первых европейцев, их открытия и заблуждения являются важным источником и дают обширную пищу для размышлений. Ведь многие вопросы, которые сегодня то и дело встают перед учеными, уже тогда в XIX в. были окончательно сняты с повестки дня.

Выпадение источников, увы, не единственная проблема наших знаний о периоде XVIII – XIX в. – есть еще и вопрос предвзятой интерпретации. Не всем авторам, писавшим об этом времени, на мой взгляд, удалось избежать избирательности. Историк часто подбирает свидетельства, которые удачно встраиваются в его концепцию, соответствуют его видению и интерпретации, а также отвечают актуальным идеологическим запросам его времени. Так, история произвольно превращается в набор фактов, поставленных в услужение той или иной теории, – все остальное отбрасывается как ненужное. На мой взгляд, наши представления об истории Осетии XVIII – XIX в. не лишены подобного недостатка.

Все сказанное выше, однако, отнюдь не означает, что читателю необходимо обладать большим багажом знаний и хорошо разбираться в истории Кавказа, чтобы понимать, о чем идет речь и получить удовольствие от чтения этой книги. Напротив, почему бы не начать зна-

комство с Осетией с неизвестной стороны? Именно так с Осетией знакомились первые путешественники, оказавшиеся в осетинских горах без путеводителей и карт, идя на ощупь и фактически блуждая в потемках. Эта книга рассказывает о теориях происхождения осетин, которые либо уже были опровергнуты, либо нуждаются в опровержении, что поможет избежать повторения прошлых ошибок.

Такой метод – искоренения заблуждений и познания «от противного» призван помочь пролить свет на неизвестные страницы истории осетинского народа, лучше увидеть его прошлое, проследить эволюцию взглядов ученых на интересующие нас вопросы. Читатель не найдет в этой книге ни перечня знаменательных дат, ни авторитетных оценок тому или иному периоду правления того или иного царя, князя либо наместника, но найдет независимый анализ и непредвзятый комментарий. «Неизвестная Осетия» – это коллекция накопившихся ошибок и недоразумений, связанных с появлением первых сведений о народе, населяющем территории северного и южного склона кавказского хребта. Книга скорее приглашает вместе порассуждать над значением и смыслом проверенных и непроверенных фактов. Сделав выбор в пользу такого способа изложения, я, тем самым, надеюсь помочь сузить круг поиска краеведа, равно как и любого интересующегося историей Осетии, рассказать о заблуждениях и мифах, которые, будучи однажды развеяны, тем не менее, все еще встречаются в современном историческом дискурсе.

Границы и статус Осетии в записках Якоба Рейнеггса

Так получилось, что свидетельства о Кавказе известного немецкого путешественника Якоба Рейнеггса, состоявшего на русской службе в качестве дипломата и оказавшего Российскому престолу посреднические услуги при согласовании и подписании Георгиевского трактата между Россией и Картли-Кахетинским царством, очень скоро перестали быть объектом интереса историков и кавказоведов. О причинах этого незаслуженного, на мой взгляд, забвения стоит рассказать отдельно и подробно. Это не только пресловутый языковой барьер – исследования Рейнеггса до сих пор полностью не переведены на русский язык, но и последовавшие в скором времени кардинальные изменения в жизни региона, в результате которых сведения, опубликованные отважным немцем, стремительно теряли свою актуальность. В результате написанный на немецком языке двухтомный труд первооткрывателя Кавказа и непосредственного участника подготовки и согласования первого российско-грузинского договора со временем полностью выпал из поля зрения историков и кавказоведов.

О том, что причина угасания интереса к трудам Рейнеггса кроется не только в отсутствии перевода, но и в стремительном изменении политических реалий, свидетельствует пропадание ссылок на Рейнеггса в российских исследованиях о Кавказе авторов, владевших языками. Так, к примеру, Иоганн Бларамберг, подготовивший для Николая I подробное описание Кавказа на французском языке, хотя и испытывает очевидное влияние своего именитого земляка², но при этом не считает труд Рейнеггса достойным упоминания в своем описании. Кавказ на тот момент уже не был далеким экзотическим краем, овеянным легендами – спустя всего четыре года после выхода двухтомного труда Рейнеггса, Картли-Кахетинское царство, описанию которого в книге придавалось большое значение, вошло в состав Российской империи. Век дворцовых интриг и изящной придворной дипломатии, ярким представителем которой был барон Якоб Рейнеггс, миновал, и его Грузия вместе с ее блистательным царем Ираклием, сплотившим вокруг себя окрестные кавказские народы, навсегда канули в Лету.

После выхода в свет книг ученых, пришедших на Кавказ непосредственно по стопам дерзкого авантюриста, к Рейнеггсу и собранным им материалам обращается все меньше и меньше исследователей. Упоминание Рейнеггса в последующих трудах кавказоведов обратно пропорционально той популярности, которую книга Рейнеггса снискала себе у первых путешественников и энтузиастов – его «Историческое и географическое описание Кавказа» являлось, по сути, первым и какое-то время единственным путеводителем по кавказским горам.

В 1807 году в Лондоне труд Рейнеггса был переведен на английский язык и, судя по всему, еще долгое время считался надежным источником знаний о Кавказе как для простых читателей, так и для ученых.³ Джеймс Джордж Фрейзер в своей работе «Фольклор в Ветхом завете», приводя примеры траура по умершим, рассказывает о необычном обряде похорон у жителей Кавказа. «У осетин, на Кавказе, – пишет Фрейзер, – при подобных обстоятельствах (в случае смерти близкого – Б.Б.) собираются родственники обоого пола: мужчины обнажают свои головы и бедра и до тех пор стегают по ним плетью, пока кровь не потечет струей; женщины царапают себе лицо, кусают руки, выдергивают волосы на голове и с жалобным воем колотят себя в грудь»⁴. Источником Фрейзера, никогда в своей жизни не бывавшего на Кавказе, здесь, несомненно, является книга Рейнеггса и его рассказ об осетинских похоронах.⁵

² Названия двух работ перекликаются. Если труд Рейнеггса называется «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа», то у Бларамберга к названию добавляются слова «статистическое, этнографическое и военное».

³ A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus. London, 1807

⁴ Д. Д. Фрейзер: Фольклор в Ветхом завете. Глава 3

С этим же рассказом, возможно, связан и интерес Пушкина к осетинскому обряду похорон во время знаменитого путешествия в Арзрум. Касаясь истории Кавказа, Пушкин прямо отсылает читателей к труду польского ученого и писателя Яна Потоцкого. «Смотрите путешествие графа Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы», – пишет Пушкин. Но книга Потоцкого – это во многом полемический комментарий к Рейнегсу, изобилующий ссылками и аллюзиями на первоисточник. Эпизод с посещением Пушкиным похорон в осетинском ауле из «Путешествия в Арзрум», сам интерес автора к этому обряду, вероятно, также является следствием чтения Рейнегса, впервые рассказавшего в деталях обо всех необычных выражениях скорби в осетинских поселениях. «Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор, – пишет Пушкин. – Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. (...) К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов».⁶

Избыточное использование легенд и анекдотов, отход Рейнегса от сугубо научного стиля изложения, увы, также не остались без внимания придирчивых критиков. Рассказывая об арагвских осетинах, Рейнегс упоминает их тюркское прозвище кара-калканы. «Их так называют, – пишет Рейнегс, – потому что они никогда не моют лицо».⁷ Идущий следом за Рейнегсом Клапрот уточняет, что Кара Калкан на татарском означает «черный щит» и является именем, данным осетинам, так как они прежде использовали щиты этого цвета.⁸ Подобного рода курьезы и недоразумения, вероятно, отпугивали от Рейнегса серьезных исследователей, но, с другой стороны, обеспечивали популярность его произведениям. Рейнегс, к примеру, одним из первых рассказал европейцам о существующем у осетин и других горцев обычае кровной мести. Результатом популярности подобных историй, вероятно, является и приезд на Кавказ известного французского автора авантюрных романов Александра Дюма, решившего воочию увидеть пресловутых осетин и рассказать о них подробно в своем описании Кавказа. Что же еще могло вдохновить выдающегося француза на подобное опасное путешествие, если не переводы захватывающих и полных в высшей степени занимательных подробностей книг о Кавказе Рейнегса, Клапрота и их последователей?

Но после массового увлечения, как это часто бывает, приходит отрезвление – цитаты из Рейнегса и аллюзии на его описания постепенно пропадают из краеведческой литературы. На смену ажиотажному спросу приходит осмысление. С момента появления первых критических комментариев к Рейнегсу его престиж начинает падать. Уже в 1838 г. немецкий ученый Карл Кох посетивший Южную Осетию, хорошо зная труды Клапрота и Штедера, книгу Рейнегса не использует. Говоря о границе грузинских и осетинских земель, Кох описал ситуацию следующим образом: «Поскольку грузины и осетины постепенно смешались в селениях, расположенных по рекам Ксан, Рехула и обеим Лиахва, а царь Картли покорил себе не все эти селения, но вместе с тем получал дань со значительного количества осетинских округов, то северные границы Картли никогда не были точно установлены».⁹ Кох, как мы видим, ничего не знает о важном свидетельстве Рейнегса на этот счет, поскольку никогда не держал в руках его книгу.

После открытия идентичности алан и осетин никто из осетиноведов к Рейнегсу и его занимательным рассказам об Осетии уже не возвращался. Воспринимать всерьез автора, поставившего все с ног на голову, вероятно, считалось дурным тоном. И здесь проявляется самая

⁵ Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 1, S 218

⁶ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум

⁷ Reineggs, J. Kurzer Auszug der Geschichte von Georgien. In: Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie Bd. 3 S 334

⁸ Ю. Клапрот: Описание поездок по Кавказу и Грузии. с. 22

⁹ Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли. [сайт]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Koch_Karl/text3.htm

важная причина забвения описаний Кавказа Рейнеггса – слишком много неточностей оказалось в записках отважного первопроходца.

Как пишет издатель Рейнеггса – Ф. Э. Шредер, автор «снискал дружбу и заручился доверием в среде знатных фамилий горцев, и был вхож в их дома, поэтому его рассказ опирается на источники, недоступные простому смертному». Эта эксклюзивность сведений, сообщаемых Рейнеггсом, безусловно сделала повествование увлекательным, изобилующим анекдотами и романтическими легендами, но, увы, не смогла заменить автору основательных знаний истории. Речь идет не только о пресловутом разделении алан и осетин – эту ошибку делали и другие. Рейнеггс в целом непростительно плохо в свете стоящей перед ним задачи ориентировался в средневековых источниках. Получив классическое образование, ученый знал Кавказ в основном по трудам Плиния и Страбона, а также использовал английский перевод Моисея Хоренского. Этим источников, как выяснилось, было недостаточно для передачи полной, обстоятельной картины движения народов на Кавказе и создания достоверного исторического описания. Отсюда и ляпы Рейнеггса, ставшие причиной многих споров и отвлеченные впоследствии взгляд ученых от его работ.

Так, автор, к примеру, отождествляет Картли с древней Албанией, а Имеретию с Иберией. Казалось бы, в таком фундаментальном вопросе, исследователь, берущий на себя смелость составлять описание Грузии, не должен ошибаться. Уже следующий за Рейнеггсом по пятам Клапрот исправляет эту ошибку, поясняя, что древняя Иберия – это не Имеретия, а Картли.¹⁰ Окончательно вносит ясность в данный вопрос И. Бларамберг, добавляя, что древней Албанией следует считать современный Лезгистан.¹¹ Однако отождествление Имеретии с Иберией, судя по всему, является характерным для географии XVIII в. заблуждением. Так, в дневнике Л. Штедера – фактически современника Рейнеггса читаем: «Дорога идет к границе Грузии и Имеретии или по старому Картуеля и Иберии».

Не смог Рейнеггс, как известно, достаточно хорошо взглянуть и в осетин – ученый сначала отождествил их с племенем Afsaei у Плиния,¹² в то время, как после выхода в свет публикаций Потоцкого и Клапрота, все сойдется во мнении, что предками осетин были плининеи же Sarmatae. Затем Рейнеггс сообщил, что царица Тамар «покорила осетин и привела их в христианство», хотя после перевода древних грузинских хроник станет очевидным, что царица Тамар сама была наполовину осетинкой,¹³ осетином был и ее муж – царь Давид-Сослан. Христианство же, как выяснилось позднее, стало проникать в древнюю Осетию задолго до правления этой четы из Византии и уже в X в. было официально принято осетинами.¹⁴ Рейнеггс не увидел и связи осетин с древними аланами, поэтому эту связь вскоре пришлось доказывать другим, опровергая доводы Рейнеггса. Именно заочная полемика с Рейнеггсом Яна Потоцкого и Юлиуса Клапрота приведет в итоге к разгадке замысловатого кавказского ребуса – окончательный вывод об идентичности осетин и алан при этом будет сформулирован Ю. Клапротом в статье «Note sur l'identité des ossetes avec les allaines» («Об идентичности осетин и алан»).¹⁵

Отрицание роли средневековья как периода в истории человечества, равно как и идеализация античности в целом характерны для эпохи просвещения, ярким представителем которой был Якоб Рейнеггс. В данном же случае эта предвзятость сыграла с автором злую шутку – будучи фактически первым в своем роде, Рейнеггс вряд ли мог предполагать какой интерес вызовет его труд и сколь большое число исследователей устремится вслед за ним на Кавказ.

¹⁰ Klaprot, J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Bd.-2. S 2

¹¹ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. с. 20

¹² Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 1, S 213

¹³ Картели Цховреба. История Грузии. с. 304

¹⁴ Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, с. 53

¹⁵ Klaproth, J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, Note sur l'identité des ossetes avec les allaines. с. 335

Идя по стопам знаменитого саксонца, Потоцкий, Клапрот, а за ними и швейцарец Дюбуа де Монпере в своих книгах не упускали случая внести в данные первопроходца свои уточнения и замечания.¹⁶ В результате, в дальнейшем, среди ученых стало своего рода нормой ссылаться на Рейнеггса лишь затем, чтобы показать наивность и ошибочность первых представлений европейцев о Кавказе. «Путешественник, – писал Ян Потоцкий, – должен взять за правило проверять все сведения, приведенные Рейнеггсом, и подвергать их тщательному изучению для того, чтобы можно было решить, какие из этих сведений правильные, а какие следует отбросить. Труд Рейнеггса, составленный без достаточной точности, поскольку автор являлся в некотором роде авантюристом, содержит много ошибок (...)».

В жизни любой научной теории часто наступает момент, когда бывает необходимо вернуться назад – к истокам. В кавказоведении такой момент, видимо, не наступил, и к Рейнеггсу не вернулись. «Пользуясь этим источником, – пишет в заметке о Рейнеггсе историк и кавказовед Михаил Полиевктов, – всегда надо учитывать неисправности его издания, но и личные свойства его автора – авантюристичность Рейнеггса, его склонность к недомолвкам, его стремление выдвинуть при всяком случае самого себя на первый план – его обычный прием не указывать источники сообщаемых им сведений».¹⁷ Принимая во внимание все эти оценки, остается удивляться, как только Рейнеггсу в свое время удалось избежать сравнения с другим знаменитым саксонцем на русской службе, Бароном Мюнхгаузеном, прославившимся своими анекдотами и небылицами. Это сравнение просто напрашивалось, особенно если учесть, что автор «Всеобщего историко-топографического описания Кавказа» часто подписывался как «Барон Рейнеггс».

Но, несмотря на все вышеперечисленное, книга Рейнеггса обладает рядом очевидных достоинств, которых у нее не отнять. Да, Рейнеггс многие вещи понял неправильно, но он действительно видел их сам, и всякий раз был непосредственным свидетелем всего, о чем рассказывает. Его «Историческое и географическое описание Кавказа» представляет собой прекрасное и достоверное свидетельство его эпохи. При этом Рейнеггс вовсе не был праздным путешественником, заглядывающимся на красоты природы. Особенно это касается времени пребывания его в Грузии, где он развил активную деятельность. Он был придворным лекарем грузинского царя и, как и любой придворный, был посвящен в тайны двора, политические интриги, знал всю подноготную политической и экономической жизни Грузии. То, что автор видел собственными глазами и запечатлел на страницах своего труда, является результатом долгих наблюдений и скрупулезного анализа. Это делает его книгу воистину уникальным источником, позволяющим пролить свет на историю и карту современного ему Кавказа. Как же выглядит на этой карте Осетия – край, о котором научное сообщество того времени фактически впервые узнало от Рейнеггса?

К моменту появления Рейнеггса в свите царя Ираклия Грузия представляла собой ряд разрозненных княжеств, находящихся в вассальной зависимости Ирана, наиболее крупными из которых были Картли-Кахетинское царство и Имеретия. Отношения Московского царства и единой Грузии имели долгую историю, и, хотя еще со времен царя Федора Ивановича московские цари именовали себя «государями Иверской земли и грузинских царей», и выступали заступниками единого народа, российские войска впервые перешли Кавказский хребет и встретились со своими единоверцами лишь с началом русско-турецкой войны в царствование императрицы Екатерины Великой. Планы по созданию антитурецкой коалиции подразумевали вовлечение в войну закавказских христиан. Российское правительство изначально не было уверено в заинтересованности царя Ираклия в войне с османами, ведь до этого пра-

¹⁶ Dubois de Montpéroux, Frédéric Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, S. 289

¹⁷ Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. с. 168

вительство Елизаветы Петровны отказало отцу Ираклия Теймуразу в просьбе прислать войска для защиты Грузии от лезгин.

Однако, вопреки ожиданиям, Ираклий взял на себя обязательство действовать сообща с российскими военными. Операция по открытию «второго фронта» на Южном Кавказе тщательно готовилась Коллегией иностранных дел и Военной коллегией. Русские войска под командованием генерала графа Тотлебена по договоренности с царем Картли и Кахетии Ираклием и царем Имеретии Соломоном в составе частей пехотного Томского полка и частей Московского легиона, усиленного донскими казаками численностью 3 767 человек, имеющими 8 гаубиц и 4 пушки, перешли через Кавказский хребет и начали совместные боевые действия.

В эту войну среди солдат закавказской антитурецкой коалиции насчитывалось, в том числе, немало осетин, о чем свидетельствует и Рейнеггс. «Во время войны они (*арагвские осетины* – Б.Б.) всегда составляли личную гвардию царя Ираклия», – пишет автор.¹⁸ Другой участник событий – капитан-поручик Львов также сообщает графу Панину, что Ираклий имеет в своем войске около 1 000 «осетин, тагаурцев и ингушевцев».¹⁹ «Грузинские владетели по недостатку природных своих людей, – будет сказано в донесении Коллегии иностранных дел на имя императрицы Екатерины II, – наполняют ими (*осетинами* – Б.Б.) свои войска, к чему их добровольно склоняют наймом».²⁰

Но тщательно спланированная в Санкт-Петербурге «грузинская диверсия» не имела того успеха, на который рассчитывали в России, и обернулась скорее большой неудачей – предприятие погрязло в интригах и заговорах. Тотлебен обвинил в измене в первую очередь российских офицеров грузинского происхождения, но со временем «мятеж» против Тотлебена охватил и остальных офицеров. Прежде чем генерал был заменен и отозван в Россию, он успел взять ряд незначительных турецких крепостей в Имеретии и занять Кутаиси. Ираклий, однако, пойдя на сделку с Петербургом, выбирает тактику осторожного лавирования между интересами трех крупных держав, и, как покажут события, в своем выборе не ошибается. Незаурядный воин и политик Ираклий начинал свой долгий путь к царствованию в свите Надир-шаха, сопровождая его в знаменитом индийском походе. Как писал историк Бутков, благодаря слабости Персии, ловкой политике и военному дарованию, Ираклий возвел Грузию на степень той важности, коею она сделалась известна соседним державам.²¹

Разлад в отношениях союзников произошел, в том числе, и потому, что Ираклий, в отличие от своих предшественников, не стал поступаться интересами своего царства. Как пишет историк Авалов,» (...) всякий раз когда заметно было, что они (*Ираклий и Соломон*. – Б.Б.) и себя не забывают, и о себе думают, русские власти ставили это в укор владетелям (...). Очевидно, что грузинская военная экспедиция не оправдала надежд Екатерины. «В прошедшее время, – писал граф Панин царю Ираклию, – через отправление в Грузию и содержание там войск здешних не приобретено успехов и выгодностей против общего неприятеля, коих ожидать было можно».

Главные военные успехи, оказавшие влияние на последующие мирные переговоры, были достигнуты на основном театре боевых действий русско-турецкой войны – балканском, в частности, в битве при Кючук-Кайнарджи. Не вдаваясь в расплывчатые формулировки трактата, можно сказать, что по Кючук-Кайнарджийскому русско-турецкому договору дань Имеретинского царства Турции была отменена, а крепости, взятые Тотлебеном, остались за имеретинцами. Оттоманская Порта со своей стороны обязывалась «дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскор-

¹⁸ Reineggs, J. Kurzer Auszug der Geschichte von Georgien. In: Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie Bd. 3 S 334

¹⁹ Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия. стр. 384

²⁰ Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими. с. 10

²¹ Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России, с.97

били». Торжественно и навсегда Порта отказывалась требовать дани отроками и отроковицами, все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мингрельцев во владении, оставить паки под собственной их стражей и правлением, так как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созиданию новых и т. д.

У Ираклия, по мнению некоторых историков, были все основания чувствовать себя обделенным, ведь положения в трактате касались Имеретии, а не Картли-Кахетинского царства. Трактат утверждал свободу от турецкого влияния северокавказских народов, но ничего не говорил о царстве Ираклия. Почему российские дипломаты обошли стороной интересы Картли-Кахетинского царства, которое фактически выступало союзником России в войне? Очевидно, что распря Ираклия с Тотлебенем и другие его маневры не сошли ему с рук, и Екатерина при заключении мира не стала брать его царство под свое покровительство. Как писала впоследствии российская императрица в рескрипте генералу Медему, запрещая ему посылать войска на помощь грузинскому царю, «Ираклий и поныне продолжает искать способов здешним пособием своему властолюбию услужить, как то отчасти открывалось в бытность наших войск в Грузии».²²

Причина недовольства и гнева Екатерины понятна – Ираклию, очевидно, не простили его победу в Аспиндском сражении, слава которой целиком и полностью досталась царю Картли и Кахетии. После неожиданного ухода Тотлебена из-под Аспины Ираклий, вопреки ожиданиям, в одиночку, силами своего ополчения нанес сокрушительное поражение превосходящим силам противника. Есть свидетельства того, что в том бою в рядах грузинских войск с Ираклием сражались и осетины. Много лет спустя, возобновляя жалованную грамоту нарскому осетину Дохчику Хетагурову, Ираклий пишет: «Твой сын Болатико был с нами в Аспиндзе, где мы победили турок и лезгин. Он храбро сражался и был убит».²³

Еще во время нахождения в Грузии российских войск Ираклий посылал письменное представление об условиях, на которых бы он желал сделать свое царство протекторатом России. Царь просил «удостоить нас ныне таким покровительством, дабы всем как доброжелателям нашим, так и неприятелям видно было, что я нахожусь точным подданным Российского государства и мое царство присовокуплено к российской империи». Ираклий предлагал России условия, на которых Грузия прежде была вассалом Персии – отчисления в казну, рекрутский набор по российскому закону, а также, среди прочего, поставку больших партий вина. Однако на тот момент, как мы видим, вину за неудачи российских генералов в Закавказье в России возложили на Ираклия, и ни о каком союзе с Картли-Кахетинским царством не могло быть и речи.

Возврат к идее покровительства и оживление дипломатической активности между Картли-Кахетией и Россией относится к периоду очередного ослабления Персии – после смерти ее правителя Керим-хана для России в регионе неожиданно появились новые возможности. Для царя Ираклия это был в свою очередь хороший шанс освободиться от вассальной зависимости от Персии и, закрепить за своей династией право на грузинский престол. В это же время решалась судьба Крыма, и для союза с Картли-Кахетинским царством были готовы все предпосылки. Заключение этого союза тесно связано с именем Якоба Рейнегтса и его дипломатической активностью на службе Российской империи. Именно Якоб Рейнегтс, по мнению историков, являлся тем самым посредником, который возобновил прерванные десятилетие тому назад переговоры и обеспечил взаимное доверие сторон друг другу.²⁴

²² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г., Т. 2, с. 26

²³ Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. История Осетии в документах и материалах. Т. 1, с. 10

²⁴ Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. с. 132

Настоящее имя Якоба Рейнеггса – Кристиан Рудольф Элих (1744—1793), родом из г. Айслебен²⁵ в Саксонии. Этот город всемирно известен как родина реформатора Мартина Лютера, и с той поры, как пишет один из биографов Рейнеггса, кроме знаменитого путешественника, никто другой это место так и не прославил.²⁶ Псевдоним Рейнеггс (Reineggs) по одной из версий является анаграммой фамилии Геринг (Geering), хотя история возникновения псевдонима остается неизвестной. Будущий ученый получал свое первое образование в Лейпциге, где занимался изучением химии, физики, минералогии, а также азиатских и европейских языков. В 1768 году студент из Лейпцига отправился в путешествие по Европе. В 1773 году в Венгрии Элих защищает диссертацию на степень доктора медицины и становится Рейнеггсом. Вскоре вместе с венгерским князем Кохари он отправляется в девятилетнее путешествие на Восток и останавливается в Грузии, где поступает на службу придворным лекарем к грузинскому царю. Закрепиться на службе у Ираклия II Рейнеггсу помогает случай – сын Ираклия внезапно заболел, и лекарь смог его вылечить. Рейнеггс, таким образом, оказывается в царстве Ираклия II в 1779 г., уже спустя много лет после того, как российские войска были выведены из Картли-Кахетинского царства и Имеретии. В 1781 году, когда путешественники находились в Тифлисе, спутник и покровитель Рейнеггса Кохари неожиданно умирает, и Рейнеггс остается один при дворе.

Есть основания считать, что после случая с излечением наследника Рейнеггс пользовался особым доверием Ираклия II. На службе у картлийского царя Якуб Бей – так на турецкий манер при дворе царя Грузии называли Якоба Рейнеггса, научил, по его словам, грузин отливать пушки, которые до того попадали в Грузию только из России, построил пороховую мельницу и выписал из Венеции типографию, в которой наладил книгопечатание. В это самое время его приглашают на российскую службу – придворный лекарь грузинского царя отправляется в Петербург, где он и составит свое первое описание Грузии. Вскоре Рейнеггс, как об этом свидетельствуют источники, становится одним из приближенных князя Потемкина и уже в должности комиссионера возвращается в Тифлис для ведения переговоров. В течение трех лет (1781—1783) по заданию Российского правительства Рейнеггс совершает 5 экспедиций по Кавказу, а в 1783 году он присутствует в Георгиевске при подписании акта о присоединении Грузии к России (Георгиевского трактата).

Подробное описание Грузии Рейнеггс, на самом деле, оставил в двух своих трудах. Основным источником собранных им сведений, бесспорно, является знаменитое «Историческое и географическое описание Кавказа»²⁷, увидевшее свет уже только после смерти автора – несмотря на солидный объем, как поясняет издатель, книга осталась незаконченной. Помимо этого, по поручению «одной высокопоставленной особы» (скорее всего, речь идет о самой Екатерине Великой, – Б.Б.) Рейнеггс составил свое подробное описание Грузии и в 1781 передал его для опубликования в академическом издании Палласа. Это описание заслуживает, на мой взгляд, особого внимания. Речь идет не о мемуарах или дневниках, а о научной статье, составленной на заказ в канун подписания Георгиевского трактата, что требовало от автора максимальной точности изложения. Точно так же в царствование Елизаветы Петровны чиновники Коллегии иностранных дел составляли описание Осетии, изучая возможности ее присоединения. Возможно, как раз из-за разницы форматов два упомянутых источника не во всем повторяют друг друга, поэтому лишь сопоставление обоих текстов дает нам наиболее полную картину приграничной территории Грузии, Осетии и границ между ними.

²⁵ Лютерштадт-Айслебен (нем. Lutherstadt Eisleben – Город Лютера Айслебен) – коммуна и город в Германии, районный центр, расположен в земле Саксония-Ангальт.

²⁶ Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, St. Petersburg, 1796—1797. Bd. 2, S 217

²⁷ Существовал отдельный экземпляр «Исторического и географического описания Кавказа», который Рейнеггс позднее также подготовил для Екатерины и Потемкина, но этот экземпляр не сохранился.

Начиная описание Грузии, Рейнеггс пытается объяснить этимологию самого названия этой страны. При этом автор использует наименование, принятое в западных странах – Георгия (Georgien). Слова «Грузия» и «грузин» Рейнеггс выводит из тюркского «Гурджи» (Георгий), которым, по его мнению, называют всех тех, кто принял христианскую веру и поклоняется Святому Георгию. «Ни в одном из азиатских языков, – пишет Рейнеггс, – понятие нации не существует в отрыве от религии. (...) Как только армянин у себя на родине принимает христианство греческого образца, которое исповедуют грузины, его начинают называть «гурджи» (*георгианец* – Б.Б.). Он становится «гурджи» не из-за названия местности, так как он никуда не девается из Армении, а из-за веры, которую он принял. Так же и язычника осетина, прими он христианство, тут же начинают называть «гурджи». Турки же, населяющие западную часть царства, по свидетельству Рейнеггса, никогда не назовут себя георгианцами, так как являются мусульманами.

«Святая Нино, – пишет Рейнеггс, – и все те, кто, следуя ей, приводил в христианство народы этой земли, находящиеся под властью единого правителя, выбирали себе небесного заступника, известного нам под именем Святого Георгия. Из любви к этому святому все обращенные христиане этой земли стали называть себя его именем». Рейнеггс, таким образом, говорит о Грузии времен Ираклия как о конфедерации разных народов, находящихся на службе у христианского царя и признающих единого небесного заступника²⁸. Ираклий, по словам автора, поставил себе в услужение народы Кавказа, которые всегда были свободными и никогда не знали господ. «Мы можем видеть, пишет И. Герстенберг, – карабулаков, осетин, тушинцев, хевсуров и даже дагестанских татар на службе у царя, который покорил их не оружием, а достоинством, любовью и пронизательностью».²⁹

Описывая северные границы царства Ираклия, Рейнеггс, как мы видим, еще не использует термин Южная Осетия. Этот термин (S. Ofseten) впервые будет введен в научный обиход И. Гильденштедтом в его записках, опубликованных позднее под общим названием «Путешествие по Кавказу».³⁰ На юге, как сообщает Гильденштедт, осетины живут вокруг «южных притоков Куры, Арагви, Ксани Батар и Диди Лиавхи (*Малой и Большой Лиавхи* – Б.Б.) и Джеджо, впадающего в Рион».³¹ Но Рейнеггсу эти свидетельства на момент составления его собственного описания не могли быть доступны – труды Гильденштедта были опубликованы в Санкт-Петербурге уже после смерти автора и выхода в свет заметки Рейнеггса.

В отличие от Гильденштедта Рейнеггс, как мы видим, не делит осетин на северных и южных, а говорит об осетинах в целом, пытаясь особо выделить из них тех, кто исповедует христианство. При этом, анализируя приводимые ученым данные, следует иметь в виду, что Рейнеггса трудно упрекнуть в предвзятости или в симпатии по отношению к осетинам. Автор являлся придворным лекарем грузинского царя и во многом смотрел на вещи глазами картлийского двора. О том, что Рейнеггс симпатизировал осетинам, судя по его же собственным оценкам, не может быть и речи. «Знатные и молодые, здоровые и крепкие мужчины (*из осетин*. – Б.Б.) занимаются разбоем. – пишет Рейнеггс, – Менее же достойные также знают это ремесло (...)».³²

Автор этих строк впоследствии даже попадает в плен в одном из горных ущелий Осетии и какое-то время удерживается в заложниках. Об этом нам сообщает побывавший в Осетии в это же время дивизионный квартирмейстер Леонтий Штедер в своих дневниках. «Упрямый

²⁸ Точнее Рейнеггс называет Ираклия не царем, а князем (fuerst), что вероятно должно было передавать наличие вассальной зависимости Грузии от Персии.

²⁹ Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 1, S 342

³⁰ J. A. Gildenstädt's Beschreibung der Kaukasischen Länder. S 73

³¹ Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. с. 234

³² Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 1, S 217

Канцу, – пишет Штедер, – (старшина Дергипша³³) требовал мостовой сбор даже с генерала Тотлебена, потому что, как он говорил, даже грузинский архиепископ должен был ему уплачивать. Он грабил офицеров и курьеров, задерживал караваны и недавно держал в своих когтях даже Рейнегса».³⁴

Пытаясь очертить пределы царства Ираклия, Рейнегс хоть и не использует термин Южная Осетия, но все же отличает осетинские общества, находящиеся в долине Арагви и Ксани от обществ в долине Большой и Малой Лиахви. «Осетины, свидетельствует Рейнегс, – населяют значительный отрезок северной части Кавказа, а также со временем заселили его южную часть. Многие племена этого народа абсолютно независимы,⁴ другие – пока находятся на довольствии, называют себя подданными российского императорского величества; некоторые относятся к Грузии (*Картли-Кахетинскому царству*. – Б.Б.) и многие также к Иберии (*Имеретии*. – Б.Б.)».³⁵ В другом месте своего описания автор вновь недвусмысленно говорит о границах Осетии. «Там, где Кура продолжает свой бег дальше к югу, – пишет Рейнегс, – она с северо-северо востока соединяется с другой мощной рекой, которая называется Кара-Калкан Зу (*Большая Лиахви*. – Б.Б.). В месте слияния этих рек вдоль берега лежит город Гори, защищенный превосходной крепостью. (...) Вдоль реки Кара-Калкан Зу³⁶ по обеим сторонам проходит граница с осетинами – очень воинственным народом».

Рейнегс далее очерчивает границу Картли-Кахетинского царства с землями осетин с северо-восточной стороны – там, где проходит стратегически важная дорога через Дарьяльское ущелье. Во времена Рейнегса этот путь был всем известен под названием Осетинская дорога³⁷ и лишь позднее был переименован князем Цициановым в Военно-Грузинскую. «... Там (*в Мтиулетии*. – Б.Б.), – пишет Рейнегс, – имеется бесчисленное множество родников, струящихся из каждой расщелины. Все эти родники образуют реку, которая называется Тиулет Сквали (*Белая Арагви*. – Б.Б.), которая соединяется с Шави Херсуви Сквали (*Черная Арагви* – Б.Б.) и впадает в Арагви. Эта река Тиулет и ее притоки являются северной границей Картли и владений царя Ираклия. И хотя в этих горах, а также за ними до самого Стефан-Цминда находится еще множество поселений осетин как христиан, так и язычников, которые, по мнению Ираклия, должны платить налоги, одна лишь их добрая воля да нехватка соли, заставляют их быть смиренными, когда они покидают свои крепкие жилища, спускаясь в долину».³⁸

Осетины-жители долины Арагви и Хеви, по мнению Рейнегса, в отличие от других осетин, однозначно являются христианами греческого толка. «Так как большая часть этого народа приняла веру греческого образца, – пишет Рейнегс, – землю, которую он населяет, стали называть верхняя Георгия, и она находится под защитой царя Ираклия. Та, часть этого народа, что живет еще дальше в горах, также склонны к христианству этого же толка, но обходятся без священников, поскольку не видят в них необходимости. Они почитают древний образ неизвестного святого в очень ветхой, разваливающейся церкви³⁹ и испытывают при этом невероятный страх, т.к. никто из них не отваживается зайти в церковь или приблизиться к образу святого. Только одному из старейшин этого народа позволено приближаться к святому образу. Этот

³³ ныне Дзивгис

³⁴ Штедер Л. Дневник путешествия. с. 66

³⁵ Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 1, S 214

³⁶ Данное название не закрепилось и вышло из употребления. Упомянуто также Клапротом (J. Klaprot: Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Bd. 2. S. 324). Являясь по одной из специальностей ориенталистом, Рейнегс владел турецким и часто приводит турецкие названия.

³⁷ Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. История Осетии в документах и материалах. Т-1, с. 116, 118

³⁸ Reineggs J. Kurzer Auszug der Geschichte von Georgien. In: Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie Bd. 3 S 337

³⁹ Здесь имеется ввиду Святылище Реком.

человек должен добровольно передать все нажитое имущество своим друзьям и родственникам и жить возле церкви жизнью отшельника. Он до конца своих дней становится оракулом всего народа и никто не смеет ему возражать».⁴⁰

В описании Рейнеггса очерчена и западная часть Двалетии, находящаяся в ведении имеретинского престола. «Из них (*евреев*. – Б.Б.) многие, – пишет Рейнеггс, – живут в городе Ксилван или Крцинвал на Большой Лиахви, и отсюда до Сурама вблизи границы с Иберией (*Имеретией*. – Б.Б.) расселено множество осетинских фамилий, которые все подчинены и относятся к городу Сагина, который на северо-западе от Крцинвала отделяет горная река Гевы».⁴¹ Населенный пункт Сагина фигурировал также и в описании Гильденштедта и представлял собой, судя по всему, некий административный центр имеретинской Двалетии – западной части земель южных осетин. «Он (*этот округ*. – Б.Б.) принадлежит имеретинскому князю Церетели а стало быть Имеретии, но находится в Картли».⁴²

Приводя сведения о численности подданных царя Ираклия, из всех осетин-жителей предгорий Кавказа Рейнеггс упоминает только осетин долины реки Арагви. В расчете численности подданных Ираклия Рейнеггс называет арагвских осетин вместе с мтиулами и хевсурами – в общем исчислении этих трех народов их численность, согласно Рейнеггсу, составляет 4 000 семей.⁴³ Этот факт говорит о том, что осетины Мтиулети и Хеви, а также земель восточнее Большой Лиахви (Арагвского и Ксанского эриставств) считались подданными Картлийского царя.

С другой стороны, мы видим, что Рейнеггс, проводя в своем описании границу по городу Гори и бассейну Большой Лиахви, таким образом, не вносит в итоговую опись осетин-жителей бассейнов Большой Лиахви и Паци. Если бы автор приписал их к Картли, то, вероятно, оговорил бы их особую этническую принадлежность, чего мы не видим в описи. Из этого напрашивается только один вывод: автор, судя по всему, не считает их подданными Ираклия II.

Территории восточнее указанной Рейнеггсом границы – уезды Ксанский и Гвердис Дзири вскоре станут предметом ожесточенного спора между югоосетинскими крестьянами и грузинскими князьями. Пытаясь найти опору в новой власти, помещики заявят о своих правах на эти уезды, отозванные однажды царем Ираклием, и их ходатайство будет удовлетворено российским правительством. Но подчинить себе южных осетин грузинские князья так и не смогут. В итоге решение верховной российской власти относительно этих прав будет меняться от случая к случаю. Вплоть до 50-х гг. XIX в. каждый новый наместник будет объявлять по этому поводу свое решение.⁴⁴

⁴⁰ Reineggs J. Kurzer Auszug der Geschichte von Georgien. In: Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie Bd. 3 S 334

⁴¹ Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. – Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 2, S 76

⁴² J. A. Güldenstädt's Beschreibung der Kaukasischen Länder, S 76

⁴³ Подробная статистика описанных Рейнеггсом территорий Хеви и Мтиулети в распоряжении российской администрации окажется лишь спустя полвека. Согласно камеральной переписи 1832 г. в Душетском уезде проживало 3 513 семейств или 14 171 душ мужск. пола, из которых 3 067 душ. мужского пола осетин. Обзорение российских владений в Закавказье. Ч.2. с. 18- 19 В Горийском уезде в это время к Горийскому уезду относился и населенный пункт Цхинвал. из 31 225 жителей обоего пола было 1 537 осетин, что в пропорции гораздо меньше, чем в соседних уездах. Из них помещичьих 972 и казенных 562. На Дистанции горских народов (в долинах Арагвы и Терека) находилось 1798 дворов или семей. На северной части Дистанции (вдоль Дарьяльского ущелья и выше) всего проживало 3 083 жителя мужского пола. На южной части (в ущельях Хеви и Мтиулети) – 4 169. Из них из всех 1 598 – жителей мужского пола – осетин. Число женщин при этом, как говорится в описании, превосходило число мужчин. Таким образом, на всех перечисленных административных территориях, если даже брать число женщин за равное мужчинам, проживало осетин около 3 000 семей или 10—11 тыс. душ обоего пола. Эти данные, собранные хоть и через полвека после Рейнеггса, вполне сопоставимы с приводимыми им цифрами.

⁴⁴ В манифесте Павла I о вхождении Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи грузинским дворянам гарантировалась неприкосновенность только тех земель, которые числились за ними на момент вхождения, и И. Ф. Паскевич, изучивший претензии князей Эристовых и Мачабели, отверг их именно на данном основании (АКАК. Т. 7, с. 372). Но пришедший ему на смену Г. В. Розен вернет вопрос в исходное состояние.

Помимо описания сохранилась и карта Рейнеггса, поверх которой нанесено множество разделительных линий. Рейнеггс обозначил территории соседних с грузинами народов, используя буквы латинского алфавита. Земли осетин на карте отмечены буквой «Р». Каждая буква располагается примерно в центре обозначаемой области. Мы видим, что Р у Рейнеггса нанесена примерно в центре Кавказского хребта, и, следовательно, выступает индикатором области, простирающейся как на север, так и на юг от основного горного массива от истоков Риони на западе, до долины Терека на востоке. На карте также отчетливо видны крепость Владикавказ, реки Фиагдон и Гизельдон, а также область называемая Рейнеггсом Кара-калкан (Большой Лиахвы), по которой, согласно его описанию, проходит граница земель осетин и царства Ираклия.

Анклавом от крепости Владикавказ до реки Кара-Калкан выделена область в форме овала. Вероятно, это и есть та самая «Верхняя Грузия», населенная в том числе и осетинами – подданными Ираклия II, о которой пишет Рейнеггс.

Стоит в этой связи еще раз напомнить, что Рейнеггс готовил свое описание по заданию российского правительства и опубликовал его в авторитетном научном журнале, а значит не мог не догадываться о последствиях вероятных неточностей, связанных с территориальным разделением народов. Другими словами, автор понимал, что его информация может послужить поводом для принятия политических решений на самом высоком уровне и скорее всего старался быть столь возможно точным в описаниях и формулировках. Речь идет не о вопросах истории или этнографии, в которых ученый, как выяснилось, оказался не на высоте, а о вещах, которым ученый сам был свидетелем, в частности, о границе, которую он не раз пересекал.

Помимо сведений о территории, Рейнеггс, как мы убедились, придает большое значение определению вероисповедания интересующего его народа. «Часть осетин, – пишет Рейнеггс, – являются мусульманами, большинство – язычниками и только немногие из них исповедуют христианство».⁴⁵ Это заключение, очевидно, сделано автором в отношении всей Осетии, а не только ее части пограничной Грузии. Сопоставив данное разделение с описанием местностей, заселенных осетинами, можно сделать вывод, что к христианам Рейнеггс в первую очередь причисляет осетин, живущих в долине Арагви, вдоль Осетинской дороги. Ислам же,

⁴⁵ Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch- topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha, СПб, 1796—1797. Bd. 1, S 219

помимо Тагаурии, как известно, получил наибольшее распространение в западной Осетии (Дигории) ввиду близкого соседства с Кабардой.⁴⁶ Язычниками же, или как их по-другому называл сам автор, «христианами, не имеющими священника» Рейнеггс, по-видимому, считал осетин Двалетии и северных горных обществ – Наро-мамисонского, Алагирского и Куртатинского. «Этот народ, – пишет Рейнеггс, – почитает правый утес своим богом, а левый – своим царем».⁴⁷

Именно о таком же состоянии веры у осетин писали императрице Елизавете Петровне грузинские священники архиепископ Иосиф и архимандрит Николай. «В тех их жительствовах, – сообщают святые отцы, – во знак древнего их благочестия свидетельствуют и поныне церкви каменные и в них святые иконы и книги (...). Таковых духовных персон, которые бы могли семя слова божия в тех непросвещенных народах сеять и через святое крещение привести их в православную веру, никого не имеется, и за тем принуждены они только одну молитву творить, взирая на небо (...)»⁴⁸

В конце своего необычного, богатого событиями жизненного пути Рейнеггс остался в Санкт-Петербурге, на службе ее императорского величества в чине коллежского советника, до скончания лет занимал должность директора хирургического училища и являлся непременным секретарем Медицинской коллегии. Ученый и коллега Рейнеггса Ф. Э. Шредер, после смерти автора издал его записки в двух томах на немецком языке, снабдив их трудами биографов путешественника. Части незаконченного третьего тома, а также письма и дневники Рейнеггса после смерти автора, как известно, бесследно исчезли. Какие секреты хранили эти бумаги?

Возвращаясь к миссии Рейнеггса в переговорах, мы видим, что она непонятна и туманна, хотя ее важность и значимость все признают. Роль Рейнеггса нельзя уяснить, изучая документы Коллегии иностранных дел, которые находятся в распоряжении историков, хотя бы потому, что эта коллегия в свое время потерпела полное фиаско в выстраивании отношений с Грузией. Очевидно, что Рейнеггс просто заменил собой эту коллегия, о чем говорит и его необыкновенное возвышение в Петербурге, где его раньше никто не знал. Отсутствие документов вызывает растерянность у историков. Так, например, Авалов в своей книге называет Рейнеггса чуть ли не инициатором возобновления переговоров, будучи не в состоянии объяснить, что на самом деле произошло. Но Рейнеггс, находясь при Ираклии, не мог одновременно являться и человеком князя Потемкина, поскольку до этого не имел никакого отношения к Петербургу и России. Чтобы понять его роль в Российско-грузинских переговорах, нужно посмотреть шире на шахматную доску современной ему международной политики.

Нам известно о ничем не закончившейся попытке Ираклия наладить контакт с австрийским императором Иосифом II и предложить тому свои услуги в борьбе с Турцией. Был ли это искусный маневр, призванный привлечь внимание России, неизвестно. В свое время Екатерина специально запрашивала в Коллегии иностранных дел информацию о том, является ли грузинский царь христианином греческого толка. Угроза перехода Грузии под патронаж католических стран вряд ли могла недооцениваться творцами внешней политики – это стало бы очевидным поражением для России в регионе. Была ли эта угроза реальной, неясно, но то, что в этом деле Ираклию как раз таки мог пригодиться Рейнеггс – очевидно. Прожившему долгое время в Вене саксонцу, знакомому с этикетом австрийского двора, не составило бы труда стать посредником грузинского царя и лично наладить переписку с канцелярией Иосифа II.

⁴⁶ Это наглядно подтверждает текст присяги, которую осетины всех обществ впоследствии давали царю Александру. В отличие от остальных осетин, которые клялись в первую очередь именем Святого Георгия, старейшины дигорского общества должны были клясться именем пророка Магомеда (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т 5, с. 524).

⁴⁷ Reineggs J. Kurzer Auszug der Geschichte von Georgien. In: Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie Bd. 3 S 338

⁴⁸ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения в XVIII в., с. 30

Австрия же еще со времен Священной лиги была стратегическим партнером России по анти-турецкой коалиции. В этот период отмечается особое сближение монархов двух держав, которое впоследствии выльется в совместное путешествие в Крым. Хорошие отношения с Россией австрийскому двору были явно важнее, чем приобретение такого вассала как Грузия. Австрийский император мог рассказать Екатерине о попытках переговоров с грузинским царем и упомянуть в этой связи имя Рейнегтса. И здесь неминуемо выяснилось бы, что придворный лекарь Ираклия саксонец – фактический земляк российской императрицы. Ведь именно эту деталь своей биографии Рейнегтс, как известно, тщательно скрывал, находясь уже на службе в Санкт-Петербурге. Там же он заслужил и приклеившееся к нему прозвище «авантюриста», данное ему, возможно, теми, кого он оставил позади, стремительно продвинувшись по карьерной лестнице.

Екатерине Великой, очевидно, нужен был свой человек в Грузии, который мог бы найти общий язык с Ираклием. Таким человек не стал граф Панин, назвавший Ираклия монархом, не заслуживающим доверия, им тем более не стал граф Тотлебен, который вместо того, чтобы добыть славу своей императрице, как это однажды было под Берлином, своими не вполне честными маневрами помог добыть славу Геркулесу – примерно так в латинской транскрипции читалось имя царя Ираклия (Nergaleus). После смерти обоих участников прежней закавказской авантюры переговоры с Грузией можно было начать с чистого листа – как писал в свое время из Грузии гвардии-капитан Николай Языков графу Панину, расследуя дело о неудачной «грузинской диверсии», « (...) грузинские цари во всем послушны и совершенно слепо преданы нашей государыне». И вот, десять лет спустя, вновь настало время возобновить отношения с Тифлисом, а человеком, который уже нашел общий язык с грузинским царем и мог беспрепятственно донести до него волю Российской императрицы был Якоб Рейнегтс.

Если мы вспомним, как осуществлялось общение с Ираклием Тотлебена, то выяснится, что немец говорил с грузинским царем через двух переводчиков. Для одного из них – Ивана Пицхелаури это общение закончилось арестом и заключением под стражу по обвинению в измене. «С наичувствительнейшею прискорбностью, – писал все тот же Языков, – должен я вашему сиятельству истинную донести, что граф Тотлебен более стыда нежели похвалы в здешнем краю нашей нации сделал».⁴⁹ Не смог исправить положения и сменивший Тотлебена генерал Сухотин, солдаты которого массово заболели лихорадкой и не смогли продолжить осаду Поты. Повторяя ошибку своего предшественника, Сухотин стал конфликтовать и отдавать Ираклию невыполнимые распоряжения, в результате чего был вскоре вынужден снять осаду и прекратить боевые действия. Екатерине на этот раз надо было, наконец, договориться с кавказским Геркулесом, чтобы он, по крайней мере, больше не выставлял дураками ее генералов. «Рейнегтсу, – пишет Бутков, – поручено было подвигнуть Ираклия искать формально покровительства императрицы российской, на что было получено высочайшее соизволение». Саксонец Якоб Рейнегтс в этом смысле имел большое преимущество перед российскими генералами и дипломатами, учитывая и то, что его родным языком был родной язык императрицы.

Если же говорить об общем языке Ираклия и Рейнегтса – это, конечно же, был фарси. Безусловно, Рейнегтс мог овладеть грузинским, как о том пишет Бутков, но, с другой стороны, в его распоряжении, как мы знаем, было не так много времени, чтобы освоить новый, сложный неиндоевропейский язык. Нет никакого сомнения в том, что Рейнегтс прекрасно владел фарси и знал этот язык, вероятно, из университетского курса – об этом свидетельствует, в том числе, и выполненный им перевод на персидский язык популярного в это время трактата австрийского юриста Йозефа Зонненфельса.⁵⁰ Рейнегтс также первым подмечает наличие иранского пласта лексики в осетинском языке, что должно было потребовать незаурядных знаний пер-

⁴⁹ Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI – XVIII столетиях, с. 42

⁵⁰ Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. с. 166

сидского языка. Не был чужим этот язык и для Ираклия, юность которого прошла в ставке одного из наиболее выдающихся полководцев в истории Ирана.

Из комментариев историков и биографов ученого также видно, что Рейнегса со временем пытаются убрать подальше от Ираклия, в том числе, вероятно, и для того, чтобы пресечь попытки последнего наладить контакт с западными державами. «Когда полномочные обеих сторон производством трактата в Георгиевске занимались, – пишет историк Бутков, – князь Потемкин, находя доктора Рейнегса по делам много ветреным и хвастливым, хотя и усердным, назначил полковника Бурнашова на пребывание в Грузии и Имеретии комиссионером своим при царях Ираклии и Соломоне, который, получив 7 апреля 1783 года повеление принять дела от доктора Рейнегса и грамоты князя Потемкина к обоим царям, в Грузию отправился в мае того года».⁵¹ Чтобы отодвинуть Рейнегса подальше от Кавказа, в ход были пущены чины и награды, предложена должность директора хирургического училища в Санкт-Петербурге, и эта тактика, как мы знаем, увенчалась успехом.

Говоря о заслугах Рейнегса в качестве дипломата на русской службе, о чем мы можем во многом лишь косвенно судить по результатам состоявшихся переговоров, стоит подчеркнуть его заслуги и как писателя, о чем, напротив, красноречиво свидетельствуют его книги.

Значение публикаций Рейнегса для дальнейшего исследования и всестороннего познания Кавказа трудно переоценить. Он останется в истории человеком своей эпохи, воспитанным на идеалах просвещения бесстрашным искателем приключений, выдающимся путешественником и отважным исследователем неизвестных территорий. Перед нами судьба человека, который не отступал перед трудностями и не боялся принимать новые вызовы, постоянно повышая ставки в игре. Его статьи и книги поражали воображение современников, вдохновляли на новые подвиги, дали мощный толчок в изучении истории, культуры, традиций и дальнейшем освоении Кавказа.

⁵¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Т.2. с. 122

Ян Потоцкий и разгадка аланского ребуса

Об обстоятельствах, подвигнувших польского писателя, историка и полиглота Яна Потоцкого совершить свое путешествие на Кавказ, известно мало – на эту тему можно лишь строить предположения. Ясно лишь то, что выдающийся ученый, ставший к тому времени российским подданным, был искушенным путешественником и неутомимым искателем приключений. Как иначе объяснить его рискованный вояж на юг России за собственный счет по местам недавней военной кампании в поисках следов пребывания там аланов и сарматов? Представитель одного из древнейших польских родов Потоцкий получил образование в школах Лозанны и Женевы, жил в Париже, где еще в детстве овладел в совершенстве французским языком и начал интересоваться историей. Именно этот интерес, спустя много лет, скорее всего, и привел его на южные рубежи Российской империи непосредственно к подножью кавказских гор.

Вернувшись из Европы в Польшу, Потоцкий впервые знакомится со своим родным польским языком, культурой и историей. Вопрос происхождения польского народа, занимавший Потоцкого с первых шагов в науке, как оказалось, подразумевал более широкое исследование древней истории всех славянских этносов. В определенный момент ученый приходит к выводу, что для того, чтобы правильно представлять себе картину перемещения народов в древности, нужно посещать места их пребывания. До того, как стать российским подданным, Потоцкий уже успел объездить почти все страны Средиземноморья и Западной Европы – совершил путешествие в Италию, Испанию, Голландию, Германию, Марокко, Тунис, Турцию и Египет. По ходу каждой своей поездки Потоцкий делал записи, сопоставлял увиденное с историческими свидетельствами, интересовался необъяснимыми и неразгаданными явлениями. Книги Потоцкого, написанные по горячим следам его путешествий, выходили в Париже, Гамбурге, Брауншвейге и Вене, помимо этого, он издавал свои труды в собственной типографии, которую оборудовал на родине, в Варшаве. Не вызывает сомнений, что ученый говорил и писал на большинстве европейских языков, хорошо знал классические языки, а также, будучи урожденным поляком, со временем смог без труда освоить и русский.

В результате второго раздела Польши село Пиков и вся территория Винницкой области, родины ученого, вошли в состав Российской империи. После третьего раздела Речь Посполитая и вовсе перестала существовать как суверенная держава. Многие соотечественники Потоцкого устремились в Санкт-Петербург на русскую службу, и ученый последовал их примеру. Именно так поступил в свое время младший брат ученого, давно обитавший в северной столице империи. Северин Потоцкий сумел сделать блестящую карьеру при дворе императрицы Екатерины, оказался в опале при императоре Павле, но вновь вернулся на службу при Александре I и вскоре был произведен в чин тайного советника – со временем младший Потоцкий сумел даже добиться расположения императора Александра и вошел в узкий круг его доверенных лиц. Очевидно, что вслед за братом сделать карьеру в России пытается и старший Потоцкий, но только не в правительственных кругах как Северин, а в научных.

Успев объездить почти всю Европу и половину Азии и овладев, в том числе, и азиатскими языками, Потоцкий 15 мая 1797 г. начинает свое путешествие через астраханские степи в южные окраины Российской империи. Выехав из Москвы, путешественник вскоре приезжает в Царицын, откуда по Волге за две недели добирается до Астрахани, чтобы затем провести больше года на Кавказе. Что влечет ученого в относительно недавно присоединенный к Российской империи край?

Нет сомнения, что для Потоцкого юг России и Кавказ ассоциировались в первую очередь с древней Скифией, описанной Геродотом и другими античными авторами.⁵² История скифов

⁵² Именно Скифией Екатерина II в шутку называла свою державу в переписке с Вольтером.

для Потоцкого была тесно связана с историей славян, о чем красноречиво свидетельствует его работа «Фрагменты исторических и географических описаний скифов, сарматов и славян»⁵³, увидевшая свет накануне его путешествия. «Земли, над которыми сегодня простирается скипетр славян, – пишет в ней Потоцкий, – от Кавказа до Гималаев, назывались в древности Скифией».⁵⁴ Не вызывает сомнения, что ученый, на счету которого к тому времени уже был морской вояж из Херсонеса в Константинополь, готов был воспользоваться любой возможностью, чтобы лично побывать на другом, не менее легендарном участке скифской земли.

Трехтомный сборник «фрагментов» Потоцкого о скифах, сарматах и венедах – это, по сути, антология свидетельств всех древних авторов, писавших об интересующих ученого народах. Расположенные Потоцким в хронологическом порядке свидетельства позволяли отследить перемещения различных племен, населяющих территорию древней Скифии, увидеть изменения в названии рек и местностей, и, наконец, подводили к решению основной проблемы, стоящей перед ученым – датировки появления славян в скифских землях.

Начиная со свидетельств римских историков, согласно наблюдению Потоцкого, устья рек Днепра, Дуная и Дона оказываются заселены сарматами, и земли этих сарматов простираются вплоть до балтийских берегов. Являются ли сарматы, таким образом, предками славян? На этот вопрос Потоцкий отвечает отрицательно – предками славян являются венеда. Но ученый не исключает возможности того, что сарматы могли принять участие в этногенезе предков славян. Так, к примеру, Пейтингерова скрижаль (*лат.* *Tabula Peutingeriana*) – пергаментная копия с римской карты, сделанная в XIII веке, сохранила запись на месте восточноевропейских территорий – *venadi sarmatae*.⁵⁵ Ссылаясь на это свидетельство, Потоцкий считает вопрос о родстве сарматов и венедов открытым и требующим дополнительного изучения.

Ранее, в специальном эссе, вышедшем в Варшаве, Потоцкий опубликовал свои комментарии к истории Сарматии, и ссылку на Диодора Сицилийского, сообщавшего о миграции этого народа через Кавказ.⁵⁶ Совершив накануне поездку в Нижнюю Саксонию, Потоцкий исследовал западные границы древней Скифии. Неудивительно, что стремление раз и навсегда решить сармато-славянский вопрос привело его на юго-восток – регион, через который в древности, согласно свидетельству Диодора, и пролегал путь мигрантов-сарматов в южнорусские степи. Знание ландшафта и культуры народов, населяющих легендарную территорию, было важным звеном в теории происхождения славян, над которой работал ученый. Планируя свою поездку на Кавказ, Потоцкий надеялся, тем самым, получить полное представление обо всех театрах возникновения древней скифо-сарматской культуры, являвшейся, по его мнению, предтечей первых славянских государств на территории восточной Европы.

В интересующем ученого крае, тем временем, происходили важные военно-политические перемены. В Российской империи на престол взошел сын Екатерины II император Павел I. Одним из первых своих указов Павел вернул российские войска из Персидского похода – последнего кавказского предприятия Екатерины Великой, задуманного как ответ Ага-Мохаммеду в отместку за разорение на тот момент союзного Российской империи Тифлиса. Согласно положениям Георгиевского трактата, заключенного с Картли-Кахетинским царством, российские войска, в ответ на агрессию в адрес своего протектората начали боевые действия против персов и их союзников и в кратчайшие сроки взяли город Дербент. К этому времени весь берег Каспийского моря, от устьев Терека до устьев Куры был занят войсками главнокомандующего на Кавказе графа Зубова – дорога к Тегерану была открыта, а ресурсы противника были исчерпаны. «Война была выиграна, – напишет впоследствии историк Потто, – Оставалось только

⁵³ Pototsky J. Fragments Historiques Et Geographiques Sur La Scythie, La Sarmatie et les Slavs.

⁵⁴ Pototsky J. Fragments Historiques Et Geographiques Sur La Scythie, La Sarmatie et les Slavs. V. 1, p. 10

⁵⁵ Pototsky J. Fragments Historiques Et Geographiques Sur La Scythie, La Sarmatie et les Slavs. V. 1, p. 23

⁵⁶ Pototsky J. Essai sur L'Histoire universelle et Recherche sur la Sarmatie

воспользоваться ее результатами».⁵⁷ Но в этот момент из Санкт-Петербурга приходит известие о смерти императрицы Екатерины II и воцарении Павла – вместо наступления войскам отдается высочайший приказ отступить, и российские полки возвращаются поодиночке за Кавказскую линию.

Именно эту картину и застаёт Потоцкий, прибыв из Астрахани на Северный Кавказ. Картины военной жизни не были чем-то необычным для бывшего офицера австрийских войск. «Я следовал, как только мог лучше, за ходом русской армии по карте восточной части Кавказа, которая была весьма тщательно сделана во время похода». В дни пребывания ученого в Астрахани становится известно об убийстве Ага-Мохаммеда собственными невольниками. По пути ученый знакомится с графом Зубовым, возвращающимся назад из похода. Во время своего путешествия ученый, как видно из его записей, пользуется покровительством не только прежнего, но и нового главнокомандующего на Кавказе генерала Гудовича, возвращенного в строй Павлом I. «Граф Зубов, – пишет Потоцкий, – находился в дружественных связях как с народами кавказскими, так и с другими, гораздо более отдаленными (...)». Боевые действия, по свидетельству Потоцкого с начала кампании велись только против лезгин и не касались других народов. Это становится для ученого прекрасной возможностью получить новые сведения о тальшском и курдском языках – Потоцкого в это время, как мы видим из материалов путешествия, особо интересуют персидские языки. «Изыскания мои о древностях, – пишет ученый, – об языке и происхождении персиян доставили мне весьма приятное занятие. Ныне турецкий язык распространился почти в целом Азербайджане; но в горах есть разные полу-персидские наречия, которые, может быть, остатки древнего мидийско-персидского языка».

Изучая современный ему исторический и лингвистический материал, Потоцкий сверяет его с данными античных авторов, делая, таким образом, предположения и строя теории о происхождении и движении народов, населяющих регион. Основным фундаментальным трудом о современном Кавказе на тот момент являлось «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа» Якоба Рейнеггса. Исследование немецкого ученого было первым в своем роде, и изобиловало ошибками и неточностями. Древней Албанией, к примеру, автор называл не Лезгистан, а Картли, а дигуров (дигорцев) перепутал с уйгурами. «Рейнеггс, возможно, хорошо описал страны, которые он видел сам, – пишет Потоцкий, в дневниках своего путешествия, – Грузию, Армению, Дагестан и Ширван. Но что касается северной части гор, начиная с истоков Терека и Кубани, у него что ни слово то ошибка».⁵⁸

⁵⁷ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.1., с. 291

⁵⁸ Voyage dans les steppes d'Astrakan et du Caucase. V 2 p. 206

Постепенно знакомясь с бытом кавказских народов, Потоцкий не обнаруживает среди них алан – героев древних римских и византийских хроник о Кавказе. «Всякий раз, пишет Потоцкий, когда я спрашивал какого-нибудь грузина знаком ли ему народ по имени аланы, он всегда отвечал утвердительно. Но ни один из них, при этом, не смог мне объяснить где сейчас обитает этот народ».⁵⁹ «Находка этого народа, – пишет Потоцкий далее, – помогла бы многое узнать (...)».⁶⁰

⁵⁹ Voyage dans les steppes d'Astrakan et du Caucase. V 1 p. 114

⁶⁰ Voyage dans les steppes d'Astrakan et du Caucase. V 2 p. 181

Почему Потоцкий настойчиво ищет алан, становится понятно из предисловия к его «фрагментам» – ученый, собирая свидетельства римских авторов, заметил, что этноним сарматы в описаниях древних историков постепенно переходит в этноним аланы, и при этом речь идет о народе, занимающем одни и те же территории. В своих заметках о пребывании на Кавказе ученый, вероятно, со слов местных жителей и чиновников, даже зарисовывает карту, на которой располагает древнюю Аланию в Прикубанье, напротив Сванетии – на эту же область ему указывает в личном разговоре и архиепископ Моздокский и Маджарский Гай (Гайоз Токаов) – автор первой изданной книги на осетинском языке, долгое время возглавлявший Осетинскую духовную комиссию. Территории, зарисованные в итоге Потоцким, в то время были заселены карачаевцами и балкарцами. Общение с представителями этих народов, судя по всему, не заставило ученого отказаться от дальнейших поисков.

В своем описании Кавказа Рейнеггс располагает Аланию и алан именно напротив Сванетии и приписывает аланскому народу особенный кавказско-татарский диалект. «На северо-востоке от лазов, – пишет Рейнеггс, – там где расходятся Керавнские⁶¹ и Гордеевы горы, в долинах главного нагорья расположены жилища немногочисленного бедного народа, имя которому – аланы. Этот народ говорит на особом диалекте кавказско-татарского языка и отличается, таким образом, от другого многочисленного народа, который живет на плоскогорьях на юго-востоке и говорит на собственном языке. Он называется *тсон* – соседи же называют его *соан*, *сонти*, *цинти* – и живет в долинах известных как Тсанети. (...) То, что аланы являются остатками древнего, некогда известного народа, не вызывает сомнения, и возможно, что нынешние сваны, которых уже Страбон знал под этим именем, также происходят от этого древнего этноса».⁶²

В дневниках своего путешествия Потоцкий цитирует место у Рейнеггса, где говорится о том, что язык алан татарский и ставит в скобках вопросительный знак (?) – вероятно, уже тогда эти слова немецкого ученого вошли в противоречие с представлениями Потоцкого об аланах, сформировавшимися под влиянием средневековых авторов. «Путешественник, – писал Потоцкий своему подопечному Клапроту, – должен взять за правило проверять все сведения, приведенные Рейнеггсом, и подвергать их тщательному изучению для того, чтобы можно было решить, какие из этих сведений правильные, а какие следует отбросить. Труд Рейнеггса, составленный без достаточной точности, поскольку автор являлся в некотором роде авантюристом, содержит много ошибок (...)».

Путь Потоцкого в дальнейшем пролегал через земли осетин. «Этот народ не известен под данным именем в Византийских источниках, – пишет Потоцкий, – что по меньшей мере странно». И наконец, доехав до осетинских гор и погрузившись в местную языковую среду, Потоцкий делает свое открытие: осетины – это и есть аланы, которые не живут более на исконных территориях.⁶³ «Имя аланы, – пишет Потоцкий, – до сих пор существует на Северном Кавказе. Ими называют, во-первых, осетин, во вторых, жителей Аспоргума, которых Рубрук именовал акасс, в-третьих, жителей горной Албании (*Лезгистана* – Б.Б.), где есть якобы аланские замки, которые Рубрук видел, будучи в Дербенте, и в-четвертых, так ошибочно называют кипчаков и кунов (...)».

Материалы совершенного графом Потоцким путешествия и, в частности, гипотеза об идентичности осетин и алан вскоре послужили основой его новой книги «Древняя история народов России», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1802 г. на французском языке. Автор по традиции завершил свое путешествие очередной научной публикацией, и это была пер-

⁶¹ Страбон: География. стр. 317

⁶² Reineggs, Jacob. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. V. 2. s. 15–16

⁶³ «Один из русских миссионеров дал мне сведения, – пишет далее Потоцкий, – об одном из осетинских племен, сохранившем имя аланы».

вая книга польского ученого, опубликованная в Российской империи. Напечатанная тиражом не более ста экземпляров, она, по свидетельству Клапрота, сразу стала библиографической редкостью. В ней Потоцкий фактически предлагает новую классификацию всех российских народов и делает это на основе деления по языковому принципу.

Обширную пищу для подобных сопоставлений и классификаций представлял, конечно же, Словарь всех языков, изданный незадолго до этого учеными екатерининской императорской академии наук, который являлся уникальным проектом Екатерины, не знавшим аналогов в мире.⁶⁴ В этом словаре, вышедшем под редакцией П. С. Палласа, были представлены более 200 языков и наречий народов Азии и Европы. Предполагалось, что данное исследование могло бы «привести к решению о существовании одного первобытного языка», помочь проследить этапы становления отдельных языков народов мира и пролить свет на происхождение человечества. Словарь среди прочего содержал и 270 осетинских слов, записанных в Осетии во время экспедиции Гильденштедта, и эти материалы, как следует из текста «Древнейшей истории», явились серьезным подспорьем для Потоцкого при работе над теорией происхождения осетин.

В первой же главе своего трактата, говоря об общей классификации, Потоцкий делит народы, населяющие Российскую империю, на семитские, европейские, армянские, иберийские, кавказские, чудские или финские, самоедские, тюркские, монгольские, маньчжурские, корякские, камчадалские и другие. В качестве критерия деления ученый использует простой счет от 1 до 10 на одном или двух языках соответствующей группы. Для большинства родственных по языку народов такой счет звучит практически одинаково. К европейским народам или иафетическим (потомкам Иафета – сына Ноя) Потоцкий относит тех, чей счет от 1 до 10 звучит примерно так же, как он звучит на кельтском и санскрите.

(15)

	Celte.	Sanskrit.		Celte.	Sanskrit.
1.	<i>Ounan.</i>	<i>Eka.</i>	6.	<i>Svekh.</i>	<i>Chach.</i>
2.	<i>Dov.</i>	<i>Dvi.</i>	7.	<i>Sait.</i>	<i>Saptan.</i>
3.	<i>Tre.</i>	<i>Tri.</i>	8.	<i>Eis.</i>	<i>Actan.</i>
4.	<i>Pedvar.</i>	<i>Tchatour.</i>	9.	<i>Nov.</i>	<i>Navan.</i>
5.	<i>Pym.</i>	<i>Pantcha.</i>	10.	<i>Dek.</i>	<i>Dashan.</i>

«Все народы Европы, – пишет Потоцкий, – относятся к этому классу, за исключением турков, басков и венгров. В Азии эта же группа включает в себя народы севера Индии, персов, бухарцев, курдов, осетин и талышей. Последние являются прямыми потомками горцев

⁶⁴ Заинтересовавшись идеями Кур де Жебелена о единстве всех мировых языков, Екатерина II, будучи сама полиглотом, занялась изучением сравнительного языкознания. В апреле 1785 года Екатерина II привлекла к этой работе П. С. Палласа, который составил универсальную анкету для сбора сведений о языках народов российских губерний и иностранных держав. Анкета Палласа была разослана не только администраторам российских провинций, но и в Европу, Китай, Бразилию и Северную Америку. Президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон, идя навстречу русской императрице, поручил губернаторам собирать у себя в штатах требуемый лингвистический материал. В 1787—1789 годах П. С. Паллас по поручению Екатерины II издал сравнительный словарь в двух частях.

мидийцев, и мы видим, что классификация по языку в случае с потомками Мадея и других иафетических народов соответствует их происхождению».⁶⁵

Опираясь на приведенный критерий, осетин, как мы видим, ученый относит не в азиатскую, а в европейскую группу, несмотря на то, что считает Азию местом их актуального пребывания. По данному отрывку заметно, насколько глубоко ученый погружен в древние хроники. Границу между Европой и Азией со времен Геродота принято было проводить по Танаису (Дону). Но во времена Потоцкого стала доминировать концепция Страленберга-Татищева, согласно которой данная граница проходила по Кавказскому хребту. Мы видим, что для Потоцкого в его описании существует только античная концепция, и Осетия в этой концепции как территория, находящаяся за Доном, является частью Азии.

Но на этом интерес Потоцкого к осетинам не заканчивается – вопросу происхождения осетин ученый в своей книге посвящает отдельную главу. «На сегодняшний день, – пишет автор, – осетины нация многочисленная и наиболее примечательная на всем Кавказе. Между тем название этого народа ни разу не упоминается в истории Восточной империи, из чего мы можем заключить, что в те времена они скорее всего были известны под другим именем. Осетины говорят на языке, который напоминает диалект верхней Мидии и в то же время напоминает совершенно другой язык, который, по моему мнению, как я поясню далее, является сармато-языским, о чем мы уже говорили выше. Согласно местной легенде, осетины не всегда жили на Кавказе, а пришли однажды в эти места с берегов Дона – таковы нынешние представления. А теперь перенесемся на другую сторону горной гряды. Диодор Сицилийский говорит нам, что скифы основали сарматскую колонию, переселившись из Мидии. Плиний размещает этих мидийских сарматов на берегах Дона. Птолемей помещает туда людей, называемых осилии. Наши осетины, как мы видим, говорят на мидийском диалекте и, как мы помним, являются переселенцами с Дона. Сами себя они называют ир или ирон, а свою страну Иронистан. Но ирон – это в точности и самоназвание мидийцев, а Иран – название самой Мидии. (...) Таким образом, мы находим упомянутый древними народ в нашей современности и нам остается только поискать его в средневековых источниках».

Далее Потоцкий анализирует целый пласт свидетельств, которые по каким-то причинам полностью выпали из поля зрения его предшественника Якоба Рейнегтса. «Осетины, – пишет Потоцкий, – никогда не упоминались под этим именем во времена Византии. Следовательно, нам надо искать упоминание об этом народе под каким-то другим именем, так как мы знаем, что он существовал и до и после средневековья. Мы видим, что то место, где сегодня располагается Осетия, в десятом веке было Аланским княжеством и Аланской метрополией. Из всех отрывков, засвидетельствовавших это местоположение, наиболее убедительно звучит характеристика Константина Багрянородного, который пишет, что Алания находится рядом со Сванетией. Конечно же, это сегодняшняя Осетия. В начале одиннадцатого века Мстислав, сын Владимира передал полуостров Тамань принцу, имя которого Нестор не указывает, но который был независим ни от ясов, ни от касогов, таким образом, не принадлежал ни Алании, ни Казахии в терминах Константина Багрянородного. Один из монахов в XIII в. называет их ассами, и говорит, что ассы – это то же самое, что аланы и то же самое, что валланы⁶⁶ – как их называют германцы».⁶⁷ Таким образом, Потоцкий, анализируя средневековые источники, констатирует наличие алан и Алании на месте современной ему Осетии с X – XIV в. и заключает, что осетины – это и есть те самые средневековые аланы.

⁶⁵ Pototsky J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase: Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et tables, Volume 1. p. 15

⁶⁶ Область Вольнь, по версии ученого, также получила свое название в связи с пребыванием там аланов или валанов.

⁶⁷ Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase: Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et tables, Volume 1, p. 110—113

Возвращаясь к идее сармато-языгского языка осетин, Потоцкий, в подтверждение своей теории обращается к южнорусским гидронимам. «Из двухсот семидесяти осетинских слов в сравнительном словаре Палласа, – пишет Потоцкий, – безусловно, есть такие, которые являются мидийскими и йафетическими. Остальные принадлежат к языку фактически исчезнувшему и, возможно, что это язык сарматов, поскольку осетины это древние осиили или сармато-мидийцы. Вот еще одна этимология, которая призвана это подтвердить. Вода и река на осетинском языке звучит как *дон*. Это, во-первых, доказывает, что они когда-то жили на Дону или по-другому Танаисе, о чем свидетельствует и сохранившееся предание. Далее мы увидим, что до прихода сарматов и языгов в Европу названия рек звучали совсем по-другому. Но после их прихода Истр начинает называться Дуанем, Тирас – Днестром, Борисфен – Днепром. Дунай (*Danube*) по-осетински – это берег реки.⁶⁸ И это название у него было лишь там, где он протекал через земли сарматов-языгов – выше по течению он сохранил название Истр. Днепр и Днестр у Константина Багрянородного называются Данапр и Данастр. Это осетинские названия – они начинаются с *дан* или осетинского *дон* – река».⁶⁹ Стоит добавить, что Потоцкий, в отличие от древних авторов, знал реку Дон не понаслышке – он лично побывал в низовьях древнего Танаиса во время своего путешествия.

Регулярно делаясь своими взглядами с коллегой по академии Ю. Клапротом, Потоцкий предоставил своему подопечному обширную пищу для размышлений – диалог двух ученых позволил им со временем разгадать непростой кавказский ребус. В заметке «Об идентичности осетин и алан» Клапрот, имевший возможность подробно познакомиться с осетинами, их языком и обычаями, развивает тезис Потоцкого. «...к северу от Эльбруса, – пишет Клапрот, – течет река Кубань, где и находилось государство аланов. Сейчас этот народ населяет земли нынешней Осетии, территория которой и поныне начинается в нескольких лье восточнее от подножья Эльбруса».

Помимо ссылок на источники Потоцкого, Клапрот приводит новые свидетельства средневековых авторов, сообщающих об аланах и подтверждающих верность выводов своего путешественника. «Иосафат Барбаро, – отмечает Клапрот, – побывавший в этом регионе в 1436 г., пишет в своем «Путешествии в Тану»: «Алания происходит от народа аланов, называющихся на своем языке «ас». Жан де Плано Карпини, который в 1246 году был послан папой Иннокентием IV к великому хану монголов, называет алан или асов среди подданных этого монарха». «Согласно русским летописям, – продолжает ученый, – Святослав захватил в 966 году Беловежье, укрепленный город, располагавшийся на Дону и принадлежавший хазарам, потом он воевал с ясами и кассогами, т. е. с асами или аланами и черкесами, которых еще и сегодня соседи называют казахами. Но эти асы, или аланы, жили в краю современных осетин, которых и теперь грузины, тюрки, татары и другие кавказские народы называют «осей», а русские и в речи, и на письме называют «осетинцы»». «Все вышесказанное, – резюмирует Клапрот, свидетельствует о том, что осетины, которые себя называют «ирон», являются мидийцами, называвшими себя «ирон» и которых Геродот знал под именем «ариои». Они также мидийцы-сарматы античности и обитатели мидийской колонии, основанной на Кавказе скифами. Они являются асами, или аланами, средних веков и, наконец, ясами русских летописей, в которых часть Кавказа называется Язскими горами».

Мы видим, что направление предполагаемого движения предков осетин и у Потоцкого, и у Клапрота – это направление с юга на север т.е. «из Азии в Европу через Кавказ» – только в этом случае работают все ссылки и комментарии Потоцкого. Пройдет немало лет, прежде чем ученым впервые придется усомниться в справедливости подобного маршрута. Картина

⁶⁸ Доны был (*осет.*)

⁶⁹ Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase: Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et tables, Volume 1. p. 115

происхождения осетин, нарисованная Потоцким, была все же впоследствии сильно откорректирована. Установив связь осетин с аланами и назвав в качестве их возможных предков сарматов, Потоцкий не увидел возможной связи этого народа с древними скифами. Здесь, вероятно, злую шутку с ученым сыграли как раз таки византийские авторы, фактически называвшие всех восточных варваров скифами. Потоцкий не считал скифов ираноязычным народом, а отождествлял их скорее с племенами финской расы, подобно племени чуди. Уже Клапрот, будучи специалистом-востоковедом и хорошо зная китайские хроники, в своих комментариях начнет опровергать тезисы старшего коллеги о скифах. На ираноязычность скифской топонимики и ономастики, а, соответственно, и на наличие связи с осетинским языком и этносом ученые впервые обратят внимание лишь много лет спустя, и Ян Потоцкий в этом смысле, сделал принципиально иные выводы.

Ученый не стал основательно погружаться и в вопрос вероисповедания алан. Эти сведения были почерпнуты уже Клапротом и представлены в его развернутом докладе.» (...) Мы видим из рассказов историков Византии, – пишет Клапрот, – что аланы Кавказа были обращены в христианство и имели своего отдельного епископа. Массуди подтверждает этот рассказ, говоря: «Цари алан приняли христианскую религию после появления ислама, при халифате Аббасидов. До этого времени они были язычниками. Но к 320 году (932 г. н. э.) они отреклись от христианства и изгнали своих епископов и священников, которых им прислали из Греции».⁷⁰

Книга Потоцкого, как сообщает нам Клапрот, получила большую порцию критики, но не в части теории идентичности осетин и алан. Опыт и знания Яна Потоцкого, находящегося еще долгое время на русской службе, в дальнейшем, как об этом свидетельствуют многие источники, будут крайне востребованы. Нет ничего удивительного в том, что человек, объездивший весь мир, смог выгодно предложить свои услуги и сделал карьеру на дипломатическом поприще. Во время великого посольства в Китай, направленного Александром I, Ян Потоцкий будет назначен главой сопроводительной делегации ученых. Однако миссия посольства не увенчалась успехом – российский посланник отказался кланяться чиновнику китайского императора. Ученый же после долгого путешествия к списку «покоренных» им скифских территорий мог добавить еще и Сибирь. По окончании путешествия в 1806 г. Потоцкий избран почетным членом Императорской Академии наук, получает чин тайного советника империи.

Творческое наследие Потоцкого включает в себя более двух десятков больших научных работ по истории и этнографии. Влияние идей Потоцкого, его классификации племен и народов России отчасти угадывается в проектах национального устройства России декабристами. Говорить о серьезном влиянии книги Потоцкого в России до публикации материалов его путешествия Клапротом проблематично. Сюжет же переселения сарматов на Дон, заимствованный Потоцким у Диодора Сицилийского, получил некое распространение в научных трудах его времени. Так, вслед за Потоцким, историю перемещения сарматов из Мидии повторяет Станислав Богуш-Сестрэнцевич в своем «Историческом исследовании происхождения сарматов, склавонов и славян». Опираясь на те же античные свидетельства, автор, в отличие от Потоцкого, напротив, рассматривает сарматов как непосредственных предков славян и в завершение делает об этом соответствующий вывод. На основе лексического и топонимического сопоставления ученый считает, что сарматы, произошедшие от мидийцев, ушедшие в Европу, стали называться венеды, от которых впоследствии и произошли славяне. При этом венеды, если следовать версии ученого, – не этноним, а характеристика сарматов – пришлые (*venit* – от глагола *venio lat.* приходит). Ни ссылок на Потоцкого, который еще до своего приезда на Кав-

⁷⁰ Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase: Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et tables, Volume 1, p. 336

каз отвергал теорию сарматского происхождения славян,⁷¹ ни упоминания в этой связи осетин труд Богуш-Сестренцевича не содержит.

В целом, в исторической перспективе открытия, сделанные Потоцким на Кавказе, его теория идентичности осетин и алан в корне изменяют устоявшиеся представления об истории горских народов, вновь возбуждают живой интерес к горному краю и будут еще долго притягивать в регион ученых и путешественников. Только человек с невероятной эрудицией, одинаково хорошо чувствующий историю и современность, мог заметить в маленьком народе осколок древнейшего индоевропейского племени, привести неопровержимые доводы в пользу своей теории и вопреки сложившимся доктринам, смело представить этот вывод научному сообществу. Именно на выводы Потоцкого и Клапрота о происхождении осетин будут впредь опираться чиновники, переписывая и классифицируя народы Кавказа. Так, в четырехтомном «Обзрении российских владений за Кавказом», выпущенном впоследствии по инициативе министра финансов графа Канкрин, будет указано, что осетины «суть аланы и азы, средних времен, ясы – летописцев русских».⁷² Эти сведения чиновники могли почерпнуть только из книг Потоцкого и Клапрота – публикации двух названных авторов являлись на тот момент единственными источниками, где можно было увидеть данную версию.

⁷¹ Pototsky J. Fragments Historiques Et Geographiques Sur La Scythie, La Sarmatie et les Slavs. V. 1, p. 6

⁷² Обзрение российских владений за Кавказом. стр. 27

Изъяны и недостатки теории мидийского происхождения осетин академика Клапрота

Представление о принадлежности осетинского языка к иранской языковой семье утвердилось в науке не сразу, а о правильном позиционировании осетинского внутри иранской группы можно говорить лишь начиная со второй половины XIX в. Так получилось, что широкая дискуссия об этом предмете впервые завязалась на немецком языке в среде российских академиков – этнических немцев. Неудивительно, что точка в этом вопросе была окончательно поставлена также немецкоязычным лингвистом. Однако, до выхода в свет статьи австрийца Фридриха Мюллера «О месте осетинского языка среди языков иранской группы» в научной литературе доминировали взгляды немецкого востоковеда, бывшего академика Петербургской академии наук и автора двухтомного «Путешествия по Кавказу и Грузии» Юлиуса Клапрота.

Обстоятельства открытия ираноязычности осетин, эволюция взглядов научного сообщества на эту проблему заслуживают особого внимания. Теория мидийского происхождения осетин Ю. Клапрота, с момента формулирования которой начался процесс установления связи осетинского языка с иранскими языками, ранее подробно не рассматривалась в научной литературе. В чем слабые места этой теории? Почему ученым в итоге пришлось отказаться от формулировок Клапрота, и как получилось, что именно немецкие востоковеды и лингвисты оказались причастными к решению данной лингвистической задачи?

Присоединение Осетии к Российской империи, как известно, состоялось в эпоху правления Екатерины II – урожденной немки Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской. Именно во времена царствования императрицы Екатерины начинается мощная экспансия России на юго-востоке – на Северном Кавказе к России присоединяются Кабарда, Ингушетия, Осетия и часть Дагестана, подписывается Георгиевский трактат с Картли-Кахетинским царством. Определенную роль в этой смене направления сыграл заключенный новой императрицей союз с Пруссией и Австрией на западе, от притязаний которых Российская империя была гарантированно избавлена на протяжении всего царствования Екатерины II. «...При нас, – говорил об этой ситуации граф Безбородко, – ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». Вступив в войну с Османской Портой не по своей инициативе, Екатерина решает открыть второй фронт в Закавказье, и привлечь к борьбе с мусульманским противником единоверные христианские народы. Важным стратегическим плацдармом в этом предприятии становится Осетия, через территорию которой в Закавказье проходит экспедиционный корпус Тотлебена.

После окончания войны и вплоть до подписания Георгиевского трактата именно Осетия являлась фактической южной границей Российской империи на Кавказе. Забота о новом крае и интерес к его жителям ощущается в действиях российского правительства уже с первых шагов новой военной администрации – в горы Осетии снаряжается научная экспедиция, возглавляемая немецким ученым Иоганном Гильденштедтом, в периодической печати появляется описание Грузии и Осетии Якоба Рейнегса. Мы видим, что в этот период немецкие ученые и военные специалисты – выходцы из Саксонии, Пруссии, провинций Балтии и т. д. активно связывают свою судьбу с Кавказом. Так, на переднем рубеже южного направления, в котором шло расширение империи Екатерины, оказались специалисты-немцы, легко рекрутируемые на западе – одними из первых манифестов новой российской императрицы были манифесты «О позволении иностранцам селиться в России (...)» и «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.